

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

**Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. /
Ред.-сост.: Е.Ф. Крирко, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону:
Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 384 с.**

Алексей Борисович Елисеев

Московский государственный университет экономики, статистики
и информатики филиал в г. Минск
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: alexcom@mail.ru

В нашей исследовательской и особенно преподавательской традиции мы привыкли к «большой» истории. Занятые поиском закономерностей и смыслов истории, изучением экономических, политических, социальных структур, историки ретроспективно следят за возникновением и падением империй, за войнами, дипломатическими баталиями, взаимоотношениями «сильных мира сего» и особенно внимательны к официальному дискурсу, в соответствии с которым часто и репрезентируют реальность тех или иных событий прошлого. И между этим как-то ускользает от внимания история простых людей в её повседневности. Как жили, о чем думали эти люди? Как воспринимали события, современниками которых были, с какими трудностями сталкивались день за днём?

Право человека, «не вошедшего в историю», быть услышанным и увиденным в контексте постановки этих и других вопросов было закреплено лишь сравнительно недавно антропологическим поворотом в исторической науке. С этого времени история повседневности формируется как одно из наиболее актуальных и перспективных научных направлений. Истории повседневности, взятой сквозь призму жизни советского человека 1920–1940-х гг., посвящен рецензируемый сборник научных статей.

Сборник разделен на семь тематических разделов, в каждом из которых рассматриваются различные аспекты выбранной темы: теоретико-методологические вопросы, советская социальная политика и стратегии выживания населения в 1920–1930-х гг., повседневный мир советского человека в годы Великой Отечественной войны, женская повседневность, этнокультурные и региональные особенности социальных трансформаций, норма и девиация в пространстве советского повседневья, визуализация советской повседневности.

Прежде всего, обращает на себя внимание постановка теоретических вопросов в первом разделе «Советское повседневье в зеркале современной историографии: поиски и решения» (статьи А.С. Сенявского, Т.П. Хлыниной, В.И. Меньковского), а также в работах авторов других разделов в контексте решения конкретных исследовательских задач. Теоретико-методологические аспекты истории повседневности по-прежнему разработаны недостаточно, их осмысление отстаёт от исследовательской практики. В методологическом плане свои особенности имеет как история повседневности вообще, так и повседневность советского человека

1920–1940-х гг. в частности. На страницах сборника обсуждаются вопросы о соотношении и взаимосвязи истории повседневности с макроисторией, типология повседневности, опасность дробления исторической реальности, содержательное наполнение термина «советская повседневность», проблемы реконструкции и современные подходы к изучению советской повседневности. При этом отмечается, что способность исторического познания прояснить природу и течение повседневной жизни обычного человека зависит от умелого взаимодействия исследователя и имеющихся в его распоряжении источников (с. 21).

Авторам сборника удалось организовать такое взаимодействие. И хотя сборнику явно недостаёт отдельной источниковедческой статьи, в которой были бы проанализированы источники по истории повседневной жизни советского человека 1920–1940-х гг., авторов книги характеризует внимательное отношение к источникам и профессиональное обращение с ними. Источниковая база, на основе которой реконструируется советская повседневность, впечатляет. Привлечён широкий корпус источников из региональных архивов. Используются источники официального происхождения, центральные и региональные периодические издания, визуальные источники (статья А.В. Голубева о советской политической карикатуре 1920–1930-х гг., Е.Р. Ярской-Смирновой о формировании представлений об инвалидности в советском кинематографе 1920–1940-х гг.), источники этнографического характера (например, в статье Л.В. Лебедевой о жизненных трудностях крестьянки 1920-х гг.), а также письма (см., например, статьи Е.С. Сенявской о фронтовой повседневности Великой Отечественной войны, Е.Н. Кринко и И.Г. Тажидиновой о повседневности чувств военного времени), воспоминания, в том числе записанные авторами сборника (например, в статье Е.Ю. Волковой о повседневных проблемах женщин в годы войны, Н.Н. Макаровой о «теневых» стратегиях выживания населения и проблемах отклоняющегося поведения в новом индустриальном центре (на примере Магнитогорска) в 1929–1935 гг., в упоминавшейся статье Е.С. Сенявской), либо записанные по инициативе государства (статья И.В. Ребровой о повседневной жизни кубанских партизан).

Когда речь заходит о повседневности, источники личного происхождения представляют исключительную важность, т.к. позволяют воспроизвести жизнь обыкновенного человека так, как он сам сознавал свою жизнь. Большое значение для решения этой задачи имеет и такой вид источника, как жалоба. К изучению жалоб для реконструкции советского повседневья 1920–1940-х гг. обратились Т.П. Хлынина, Е.А. Ялозина, О.М. Морозова. По мнению Т.П. Хлыниной, жалобы являются подтверждением того, что народ сопротивлялся тоталитарному режиму «не только путем политического диссидентства» (с. 34–35). На наш взгляд, этот вывод является дискуссионным. Прежде всего, ему противоречит проблемное поле жалоб, которое приводит Т.П. Хлынина (жаловались на грубое обращение с посетителями тех или иных учреждений, несвоевременную выплату зарплат и пенсий, плохое снабжение продуктами питания и т.п.). Кроме этого, автор указывает на твердую веру авторов жалоб в социалистическую законность и в заинтересованность власти в обнаружении и искоренении недостатков и правонарушений, отмечает, что многие обращались с жалобами «по зову души», считая себя обязанными информировать власть об изъянах «социалистического общежития» (с. 32). В свете этого жалоба вовсе не выглядит средством борьбы с «тоталитарным режимом» (авторы жалоб не воспринимали этот режим как «тоталитарный»), а лишь способом борьбы с нарушением собственных прав на местном уровне, бытовыми трудностями, нехваткой чего-либо и т.д.

В этой связи вызывает интерес статья О.М. Морозовой о деятельности так называемых «партизанских комиссий» (комиссий или комитетов помощи больным и раненым демобилизованным красноармейцам и бывшим красными партизанами), в которых отложился большой корпус жалоб. Даже в самых радикальных из них О.М. Морозова констатирует лишь разочарование моральной атмосферой в обществе, тоску по боевому прошлому, поиск «ненастоящих» большевиков в партии и советских учреждениях, критику советской бюрократии, потворствующей «врагам» (с. 95–99). О.М. Морозова отмечает также немногочисленность писем авторов «из категории идейных и разочарованных» и практически полное отсутствие «идейных и разочарованных» (с. 104).

Разноплановость представленных в сборнике статей определяется не только их группировкой по хронологическим разделам (повседневность 1920–1930-х гг., а затем периода Великой Отечественной войны), но и по разделам, характеризующимся тематическим единством. Среди них особое внимание привлёк раздел «Женская повседневность в эпоху социальных катаклизмов: между традициями и новациями». Мы останавливаемся на вопросе о женской повседневности в связи с одним наблюдением, вытекающим из суммирования разнообразных практик исследований истории повседневности и формирующим особый интерес к женской

повседневности в целом. Дело в том, что история повседневности – это либо история «человека» вообще («населения», «рабочих», или, как в нашем случае – «советского человека»), либо история женщин. Каждый раз, когда мы обращаемся к истории женщин, мы вторгаемся в сферу повседневного, но по отношению к «человеку» вообще это происходит, как правило, лишь в тех случаях, когда мы специально определяем свою задачу как исследование повседневности этого «человека». Неслучайно, и это хорошо видно на страницах рецензируемой книги, многие детали повседневности «советского человека» (одежда, пища, жилье, семья, труд, отдых, бытовые трудности и др.) становятся видимыми при обращении либо к источникам женского происхождения, либо к источникам, в которых женщины являются действующими лицами. Например, в статье И.В. Ребровой «Повседневная жизнь кубанских партизан и ее отражение в мемуарах» показано, что, по воспоминаниям мужчин, партизанская повседневность – это бои с врагом, военные будни, а что касается условий жизни, быта, трудностей и лишений, то «эту сторону партизанских будней описывали мемуаристки – участницы партизанского движения на Кубани» (с. 199).

Вызывает интерес и другое наблюдение: в исторических источниках мы можем проследить сюжетный сдвиг от описания военной повседневности к описанию военной героики. Так, источником реконструкций И.В. Ребровой служили мемуары, написанные командирами и участниками партизанских отрядов не по собственной инициативе, но мемуары, которые создавались в 1960-1970-е гг. в рамках государственного заказа на накопление и сохранение воспоминаний о войне. Отсюда невнимание авторов к повседневности и сосредоточенность на рассказах о подвигах, боевых заданиях, уничтожении врага (с. 191). Иная картина вырисовывается, если обратиться к документам собственно военного периода, например, к письмам с фронта (подавляющее большинство их авторов – мужчины). Их сюжетной доминантой является описание бытовой повседневности. Е.С. Сенявская, проанализировавшая этот корпус источников, отмечает, что в письмах преобладает описание жилых помещений, распорядка дня, рациона питания, денежного довольствия, состояния обуви, досуга, взаимоотношений с командирами и товарищами; таким образом, «героический» аспект войны явно уступает «житейскому, будничному, повседневному» (с. 142-143). К аналогичному выводу, хотя и в контексте решения несколько иных задач, пришли Е.Ф. Кринко и И.Г. Тажидинова. Предметом их анализа стала переписка солдат с девушками из тыла. И центральное место в ней также занимает повседневность, хотя уже не бытовая, а чувственная: «...Вокруг шла война, гибли люди, а молодые люди писали друг другу – о погоде, о своих настроениях и впечатлениях, переживаемых эмоциях, прочитанных книгах, увиденных кинофильмах» (с. 187).

Рецензируемый сборник наталкивает и на другие наблюдения, размышления, сравнения, о которых объем рецензии не позволяет сказать подробно. Назовем лишь некоторые из них: о категории «субъективность» в истории повседневности, о трудностях реконструкции собственно «женской повседневности», о постановке проблемы «мужская повседневность», об общих чертах и региональной специфике в повседневной жизни советского человека и др. Появление всех этих вопросов свидетельствует о том, что сборник «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.» заинтересовывает, провоцирует на размышления, на согласие или заочную полемику с авторами, а значит, вне зависимости от того, в чьих руках он находится (от учёных и студентов до непрофессиональных любителей истории), он будет способствовать движению исторической мысли и науки, популяризации исторических знаний. Высокий профессионализм авторов книги позволит каждому, кто познакомится с её содержанием, погрузиться в повседневную жизнь советского человека 1920–1940-х гг.

SOVIET MAN EVERYDAY WORLD IN 1920–1940s: COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES / Compiling editors: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Rostov-on-Don: ЮИЦ РАН Publishing House, 2009.

Alexey B. Eliseev

Moscow State University of Economics, statistics and Informatics Branch in Minsk
PhD (History), associate professor
E-mail: alexcom@mail.ru